

АНАСТАСИЯ ВЕЖИНА

АКАДЕМИЯ
ДРАКОНЬИХ
ВСАДНИКОВ

Анастасия Вежина

Академия драконьих всадников

<https://litres.ru/73268138>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дочь предателя. Изгой в элитной академии. Добыча для тех, кто не знает жалости.

Виолетта Кровавая знала: в Военной академии Эридора её ждут либо смерть, либо вечный позор. Она — хрупкая тень среди всадников, чьи имена гремят на весь мир. Но когда древний теневой дракон Морок выбирает именно её, правила игры меняются. Теперь она не жертва. Она — угроза.

Но самый опасный враг — не в Совете и не в небе. Он — её наставник. Кейден Железное Сердце потерял отца по вине семьи Виолетты. Он поклялся сделать её жизнь адом, и его золотые глаза горят жаждой мести.

Сможет ли Виолетта выжить, когда магия крови вскипает в жилах, а ненависть к мучителю превращается в предательское, обжигающее влечение? В мире, где стены дышат ложью, один неверный шаг разрушит всё. Когда магия и чувства сплетаются в смертельный узел, остаётся лишь один вопрос: кто из них сгорит первым?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	44
Глава 6	54
Гл	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Академия драконьих всадников

Глава 1

Виолетта

Ворота Военной Академии Всадников Эридора были созданы не для приветствия — для устрашения.

Я остановилась в двух шагах от чёрного базальтового порога и поняла: если перешагну, пути назад не будет. Камень над головой нависал тяжёлой аркой, будто пасть, готовая сомкнуться. Ветер с гор бил в лицо, пах железом и чем-то жжёным — старым пеплом, который здесь не смывали годами.

Сзади кто-то толкнул меня в спину — слегка, но я качнулась вперёд и едва не уронила дорожную сумку.

— Проходи уже, Кровавая, — бросили мне вслед, и несколько голосов рассмеялись.

Я обернулась. Девушка с золотыми волосами и идеально ровной осанкой смотрела на меня с презрительной усмешкой. Дочь маршала, судя по дорожному плащу. Рядом с ней стояли ещё двое — оба широкоплечих, оба с видом полных хозяев.

— Или боишься? — добавила она, наклонив голову. — Может, папочка не научил тебя входить в чужие дома? Впро-

чем, он предпочитал входить с ножом в спину.

Кто-то фыркнул. Кто-то громко свистнул.

Я стиснула ремень сумки так, что кожа скрипнула. Внутрь поднялась волна злости — горячая, острая, знакомая. Я могла бы ответить. Могла бы развернуться и пойти прочь. Но оба варианта означали одно: она победила.

Поэтому я сделала то, чего не ждали.

Шагнула на порог и прошла сквозь ворота, не оборачиваясь.

Позади прозвучал недовольный выдох, но я уже не слушала.

Двор академии раскинулся передо мной, как каменная арена. Чёрный базальт под ногами был отполирован до блеска тысячами шагов. Высокие стены, узкие бойницы, башни, из которых тянулись цепи — всё здесь было создано для войны, а не для учёбы. И люди вокруг выглядели так же: жёсткие, собранные, готовые к бою ещё до того, как их кто-то ударит.

Абитуриенты стояли группами — высокие, сильные, одетые в дорогие дорожные плащи, с гербами знатных родов на рукавах. Они смеялись, обнимали друг друга за плечи, обменивались репликами, будто это был не первый день в академии, а праздник.

Я шла мимо них, и разговоры замолкали. Взгляды цеплялись за меня, как крючки. Не любопытные — злые.

— Это она. — Дочь предателя. — Как её вообще сюда

пустили?

Я не останавливалась. Не оборачивалась. Просто шла дальше, сжимая сумку так, будто она могла защитить меня от слов.

Где-то над головами прокатился низкий гул — на гром не похожий, глубже и утробнее, будто сама гора вздохнула. Драконы. Их не было видно, но присутствие ощущалось в самом воздухе. Люди невольно притихли, плечи подались вперёд, подбородки опустились.

Даже те, кто только что смеялся, вдруг замолчали.

Я дошла до середины двора и увидела длинный стол, за которым сидели двое в чёрной кожаной форме инструкторов. Они записывали имена прибывших, выдавали пропуска в жилые корпуса. Я встала в очередь.

Передо мной стоял парень с широкой спиной и коротко стриженными волосами. Когда он обернулся и увидел меня, его лицо застыло.

— Серьёзно? — сказал он громко. — Они её и правда взяли?

Несколько человек рядом повернулись. Кто-то ухмыльнулся.

— Интересно, сколько она продержится, — сказал кто-то справа. — Ставлю — не дольше недели. — Неделя? Да она до церемонии выбора не доживёт.

Смех. Негромкий, но унижительный — как плевок в лицо, который не оставляет следов, зато все видели.

Я продолжала стоять. Спина прямая. Лицо неподвижное.

Внутри поднималась тошнота, но я не позволила ей выйти наружу. Отец учил меня прятать боль. «Если они видят, что тебе больно, — говорил он, — они будут бить туда сильнее».

Память о нём вспыхнула так внезапно, будто кто-то зажёл спичку в темноте.

Мы стояли тогда у окна в нашем доме. Солнце падало ко-со, пыль висела в воздухе золотыми нитями. Отец протянул мне книгу — тяжёлую, в потемневшем переплёте, с надписями на древнем языке, который я не понимала, но чувствовала.

— Помни, Виолетта, — сказал он, касаясь моего лба. — Настоящая сила не в мече, а здесь. Никогда не позволяй им забрать это у тебя.

Его голос был тихим, но твёрдым. Как приказ. Как обещание.

Я сжала пальцы на ремне сумки, где под плащом лежала та самая книга. Единственное, что у меня осталось от него, кроме проклятого имени.

— Следующая!

Я подняла голову. Очередь прошла. Инструктор за столом — мужчина с седыми висками и шрамом через всю щеку — смотрел на меня безучастно.

Я подошла. Назвала имя.

Он нашёл его в списке, поставил отметку, протянул мне ключ и карточку с номером спальни. Всё механически. Без

слов.

Когда я взяла ключ, он задержал на мне взгляд чуть дольше, чем следовало. И в этом взгляде не было любопытства или жалости.

Только вопрос: «Как долго ты протянешь?»

Я развернулась и пошла к жилым корпусам. За спиной снова раздались голоса, но теперь я их уже не разбирала. Они сливались в единый гул, похожий на рык.

У входа в корпус я почти столкнулась с группой инструкторов.

Они разговаривали между собой — коротко, отрывисто, как люди, не тратящие слов зря. Форма на них сидела идеально, как вторая кожа. Все высокие, все сильные, все с тем выражением лица, которое говорит: «не подходи, если не готов к последствиям».

И среди них — он.

Кейден Железное Сердце.

Я узнала его сразу, хоть никогда не видела раньше. Но его описывали так часто, что образ врезался в память ещё до встречи.

Он был выше всех. Широкоплечий, с чёрными короткими волосами, с несколькими белыми шрамами, которые пересекали бровь и скулу — не уродуя, а подчёркивая опасность. Форма на нём была идеально чёрной, без единой складки. И глаза — золотые, пронзительные, хищные — заметили меня раньше, чем я успела отвести взгляд.

Разговор смолк.

Все обернулись.

Я замерла.

Кейден шагнул вперёд, и остальные инструкторы словно отступили без движения — просто перестали быть важными. Толпа вокруг нас притихла так резко, будто кто-то перерезал все голоса разом.

Он подошёл ближе. Ещё ближе.

Я отступила на шаг — тело среагировало само, прежде чем я успела остановить его.

Спина упёрлась в каменную стену.

Кейден остановился в шаге от меня.

Его тень накрыла меня полностью. Я почувствовала запах озона и раскалённого металла — острый, будто после удара молнии. От него шло тепло, но не то мягкое, уютное — а обжигающее, опасное.

Я должна была чувствовать только страх.

Но тело — предатель — откликнулось иначе: мурашки по коже, жар в животе, сердце зачастило — и не должно было.

Я ненавидела себя за это.

Ненавидела его за то, что он заставлял меня чувствовать это.

— Курсантка Кровавая, — произнёс он, и моё имя в его голосе прозвучало как приговор.

Я сжала челюсти. Не опустила взгляд.

Если опущу сейчас — опущу и завтра, и послезавтра, и во

всех остальных моментах, когда мне будет страшно и больно.

Кейден наклонился чуть ближе. Не до неприличия — до власти.

— Здесь не будет твоих иллюзий и сказок, — сказал он тихо. Так тихо, что слова дошли только до меня. — Здесь будет только боль. И ты будешь вспоминать каждый день, что твой отец убил моего.

Он выпрямился. В его золотых глазах вспыхнуло что-то тёмное — не просто злость, а боль, которой дали имя и адрес.

Я поняла: он пришёл ко мне не потому, что ему приказали.

Он пришёл потому, что хотел увидеть, как я ломаюсь.

Кейден сделал паузу. Достаточно долгую, чтобы все вокруг успели подготовиться к зрелищу.

И тогда он произнёс — медленно, чётко, так, чтобы каждый слышал:

— Твой отец убил моего. Я сделаю твою жизнь здесь адом.

Глава 2

Виолетта

В академии утро начинается не с солнца — с команды.

Сигнал ударил по стенам так, будто кто-то проверял крепость на прочность. Я села на кровати сразу, без привычного полусна. Тело уже поняло правила: если промедлишь — тебе помогут «проснуться», и помощь будет болезненной.

В комнате пахло кожей формы, холодным камнем и чужой уверенностью. Девушки вокруг двигались быстро, привычно: ремни затягивались одним движением, волосы убирались так, чтобы не мешали, шепот превращался в короткие фразы, похожие на приказы.

На меня не смотрели. И это был самый громкий взгляд.

Я натянула чёрную кожаную куртку, застегнула, проверила ремни. Книгу пришлось оставить в спальне, надёжно спрятав на самом дне сумки. Я не доставала её. Здесь любую слабость используют.

Но сегодня слабость была не в книге.

Сегодня слабость была во мне.

Потому что сегодня меня будут выбирать.

Или — не выберут.

На выходе в коридор кто-то нарочно задел меня плечом. Так, чтобы я качнулась, чтобы шаг сбился, чтобы я выглядела неловкой.

— Осторожнее, — протянул голос с ленивой улыбкой. — А то вдруг дракон споткнётся о твою фамилию.

Смех прокатился по коридору. Не громко — чтобы инструкторы не придрались. Достаточно, чтобы я услышала.

Я не ответила. Отвечать — значит играть по их правилам, а сегодня мне нужно было выстоять по своим.

Мы вышли во двор колонной. Холодный воздух сразу вцепился в лицо, в запястья, в горло. Небо было низким, тяжёлым, серым, как крышка над котлом.

Поле для выбора находилось за внутренней стеной, и чем ближе мы подходили, тем меньше становилось разговоров. Сначала — шутки. Потом — шепот. Потом — тишина, в которой слышны только шаги и стук крови в ушах.

Я узнала поле сразу: широкая, выровненная площадка, окружённая уступами, как амфитеатр. Трибуны уже заполнялись — курсанты старших курсов, офицеры, люди в тёмных плащах Совета. Те, кто пришёл смотреть не на чудо, а на результат.

Инструкторы стояли отдельной линией. Чёрные фигуры на сером фоне — как вырезанные из камня.

И среди них — Кейден.

Я заметила его сразу, и это было раздражающе неизбежно. Он стоял чуть впереди остальных, руки за спиной, плечи ровные. Лицо — неподвижное. Как будто вчерашняя сцена у стены была не вспышкой личной ненависти, а официальной процедурой.

Рядом с ним, у самой кромки поля, стоял Солярис.

Золотой дракон сиял даже под этим серым небом. Чешуя — как расплавленный металл. Мускулы под ней — как натянутые канаты. Он был слишком красивым, чтобы быть добрым.

Я поймала на себе его взгляд — и почувствовала, как внутри что-то сжалось.

Во взгляде Соляриса не было ни ярости, ни любопытства — только точное презрение.

Точное, направленное, как наконечник копья. Солярис смотрел так, будто я уже проиграла, и ему даже неинтересно, сколько секунд займёт падение.

Я первой отвела взгляд — просто не захотела давать ему удовольствие видеть мой ответ.

— В строй! — прозвучало над полем.

Мы выстроились рядами. Чёрная кожа форм, одинаковые ремни, одинаковая выправка — и всё равно поле выглядело как витрина родословных. Одни стояли так, будто дракон им обязан. Другие — так, будто молятся. Третьи делали вид, что им всё равно, но я видела напряжение в пальцах, в скулах, в том, как они глотают воздух.

Я стояла в конце своего ряда. Никто специально туда меня не ставил — но вышло символично.

Слева от меня парень тихо шепнул другому:

— Представляешь, если ей правда никто не даст пару? Её же тогда... — Тсс, — оборвали его. — Смотри и учись. Так

заканчивают предатели.

Я не повернула голову. Я не дала лицу измениться. Но внутри всё стало ледяным.

«Так заканчивают предатели».

Речь шла не о моём отце. Речь шла обо мне.

Ветер донёс первый низкий гул, и трибуны притихли. Над нами проскользнула тень — большая, крылатая, тяжёлая. Потом вторая.

Звук крыльев не похож ни на что человеческое. Он давит на грудь, как вес. Он заставляет сердце прыгать туда, где ему не место.

Драконы кружили над полем, выбирая. Их силуэты резали небо, и каждый раз, когда один из них наклонялся к земле, строй напрягался, будто его могли выбрать прямо сейчас — и это «сейчас» решало бы всю жизнь.

Первый дракон опустился рядом с девушкой из первого ряда. Огненный, красный, с чешуёй, будто раскалённые угли. Он приземлился мягко для своей массы, но земля всё равно дрогнула.

Девушка сделала шаг вперёд — спокойно, уверенно — и положила ладонь на его шею. На трибунах кто-то зааплодировал.

Я почувствовала чужую радость почти телом — как вспышку тепла, которая не для меня.

Следующий выбор. Потом ещё.

Каждый раз, когда дракон приземлялся, вокруг выбран-

ного образовывался остров: восхищение, зависть, облегчение. Из строя выходили люди — и строй редел.

Пары складывались на глазах, как будто судьбу можно записывать в воздухе: вот крыло, вот ладонь, вот кивок, вот шаг.

Я пыталась дышать ровно. Но дыхание всё равно сбивалось, потому что с каждым выбором поле становилось теснее для тех, кто оставался.

А для меня — пустее.

Солярис снова посмотрел на меня. На этот раз — дольше.

Я почувствовала, как от этого взгляда кожа на затылке словно натянулась. Он не просто презирал. Он оценивал. Как оценивают добычу: стоит ли она усилий или можно оставить её умирать без внимания.

Я не смотрела на него. Я смотрела вперёд, на линию, где драконы опускались один за другим.

«Если меня не выберут, что будет?» — мысль пришла тихо и гадко.

Я знала официальную часть: «не выбранные» остаются в академии как вспомогательные, как служба при пещерах, как... тень. В лучшем случае.

Но я видела взгляд вчерашних абитуриентов. Видела улыбку той блондинки у ворот. Видела лицо Кейдена, когда он говорил про ад.

И понимала: в моём случае «не выбранная» значит «разрешённая мишень».

Ещё один дракон. Ещё один.

Слева кто-то всхлипнул от счастья. Справа кто-то выругался сквозь зубы — дракон пролетел мимо.

Я не считала выборы. Я считала пустоты.

Когда вышел парень через два шага от меня, я почувствовала это как удар: воздух рядом стал холоднее, потому что его место больше не грело. Когда вышла девушка слева, тишина вокруг меня стала шире.

И вот настал момент, которого все ждали.

В моём ряду осталась только я. Просто одна. Без оговорок.

Трибуны загудели. Сначала — шепот. Потом — смешки. Потом — уже не стеснялись.

— Никто не хочет брать кровь предателя, — сказал кто-то громко, будто просто озвучил факт. — Может, её кровь отравлена, — ответили с другой стороны. — Драконы же чувствуют.

Я услышала и другое — тоньше, ядовитее:

— А я думала, ей хотя бы ящерицу дадут. Для жалости.

Смех ударил в лицо. Я почувствовала жар в щеках — от злости.

Я держала подбородок ровно. Я держала плечи. Я держала себя.

Но внутри что-то трещало.

Потому что это было не просто «не выбрали».

Это было публичное признание: ты здесь лишняя.

Я заставила себя вдохнуть медленно. Один раз. Второй.

И в этот момент я посмотрела на Кейдена.

Он смотрел на меня открыто.

И на его лице было то, что я хотела бы стереть из мира: торжество.

Он был слишком дисциплинирован для улыбки. Это была спокойная, холодная уверенность человека, который дождался, когда боль будет официальной.

«Вот она, — говорило его выражение. — Справедливость.»

Я стиснула зубы до боли.

Слова отца всплыли сами собой, как будто он стоял рядом и держал меня за плечо: «Не позволяй им забрать это у тебя».

Что — «это»? Гордость? Упрямство? Последний кусок меня, который ещё не стал их игрушкой?

Я не знала.

Но знала одно: я не опущу глаза.

Даже если сейчас мне объявят, что я ничто.

Инструктор вышел вперёд, поднял руку, чтобы закончить церемонию. Я не слышала его слов — кровь шумела в ушах.

И тогда земля под ногами дрогнула.

Не от приземления очередного дракона — слишком глубоко.

Поле будто вздохнуло снизу. Камень под подошвами качнулся, как палуба.

Трибуны стихли мгновенно.

Ещё один толчок. Сильнее.

Кто-то вскрикнул. Кто-то внизу отшатнулся, будто его толкнули невидимой рукой.

Я замерла, потому что это не было похоже на случайность. Это было похоже на предупреждение.

В дальнем конце поля зиял чёрный зев самой большой пещеры. Про неё говорили шёпотом. Про неё говорили «там» и «не смотри туда».

И сейчас из этой темноты потянуло холодом.

Этот холод был древним, чужим любому утру и любому ветру с гор.

Сначала я увидела движение — тёмное, плавное, как будто сама тень решила выйти на свет. Потом — контур головы, огромной, неестественно спокойной. Потом — тело.

Морок.

Он был таким огромным, что воображение просто отступало. Чешуя цвета полуночного неба переливалась фиолетовым и индиго, словно в ней жили грозовые облака. Глаза — два фиолетовых кристалла — пульсировали тихим светом.

Он двигался бесшумно, и от этого становилось страшнее: такое не должно уметь двигаться тихо.

Кто-то из инструкторов сделал шаг назад. Я увидела это краем глаза и не поверила.

Даже они.

Драконы на поле — те, что уже выбрали пары, — начали опускаться ниже, прижимаясь к земле. Один за другим. Даже те, что минуту назад рычали и били хвостами, теперь вы-

глядели осторожными, как животные перед бурей.

Солярис тоже пригнул голову.

Гордый золотой дракон Кейдена — признал.

Толпа на трибунах затаила дыхание.

Морок не смотрел по сторонам. Он не оценивал людей. Он не искал добычу.

Он шёл прямо ко мне.

И всё моё тело — предатель — захотело сделать шаг назад. Инстинктивно: отойти от того, что может раздавить тебя случайным движением.

Но я не отступила.

Я стояла.

Потому что если сейчас я побегу, я побегу всегда.

Морок остановился в шаге от меня. Его дыхание не было горячим, как я ожидала. Оно было холодным, плотным, будто воздух в пещере.

Он наклонил голову.

Медленно. Осторожно. Так, будто я — не песчинка под его лапой, а что-то, что требует точности.

Его лоб коснулся моего.

Я ожидала боли. Ожидала, что меня вышибет из сознания. Ожидала хоть чего-то понятного.

Но вместо этого — мир стал тише.

Смех исчез. Шёпот исчез. Даже страх толпы отступил куда-то далеко, как звук, который закрыли дверью.

Внутри меня что-то откликнулось — образом, без слов и

без мыслей.

Тёмная вода под луной.

Одиночество, тяжёлое и старое, как камень.

И в этом одиночестве — ожидание. Долгое. Упрямое. Почти злое.

Как будто кто-то слишком долго был один и теперь решил: хватит.

Я не «услышала» его. Я почувствовала.

И впервые за очень долгое время мне стало... не легче. Но стало не одиноко.

Морок отстранился на толщину воздуха. Его фиолетовые глаза смотрели в мои — и в них не было ни презрения Соляриса, ни ненависти Кейдена, ни любопытства толпы.

Там было решение.

Мои пальцы дрожали. Я ненавидела дрожь — дрожь выдаёт. Но сейчас она была от того, что моё тело пыталось вместить невозможное.

Я подняла руку и коснулась его чешуи.

Твёрдая. Живая. Холодная — и под холодом пульсировала сила, как под кожей пульсирует кровь.

В этот миг я поняла: всё изменилось.

Слова «дочь предателя» ещё будут звучать. Они не исчезнут по щелчку.

Но теперь у меня появилось то, чего у них не было.

Право.

Сила.

И вопрос, который они не смогут игнорировать.

Я перевела взгляд в сторону — туда, где стоял Кейден.

Его лицо было неподвижным, как всегда. Но торжество исчезло.

Осталось неверие.

И что-то ещё, слишком тёмное, чтобы назвать это просто злостью.

Страх.

Я положила ладонь на чешую Морока крепче — как подпись на договоре, который никто не собирался подписывать со мной добровольно.

И подумала, почти спокойно:

«Теперь посмотрим, кто кого сделает адом.»

Глава 3

Виолетта

После выбора меня перестали игнорировать — меня начали обходить, как яму, которая внезапно оказалась глубже, чем казалось вчера.

Шёпот «дочь предателя» не исчез, но к нему прилипло новое слово: «Морок».

Меня провели через двор так, будто я уже не курсантка, а опасная вещь, которую нужно доставить в нужное место и не уронить по дороге.

Двое инструкторов держались по бокам, не касаясь, но и не давая мне выбора — маршрут был заранее прописан чьей-то волей.

Кейдена я увидела у входа в коридор старого крыла: он стоял у стены, руки за спиной, взгляд прямой, и в этой неподвижности было больше напряжения, чем в крике.

Он ничего не сказал, но золотые глаза прожгли меня так, будто он пытался решить одну задачу: как сделать ад из того, что стало чудом вопреки его планам.

Мы спустились ниже, туда, где камень становился чем-то большим и начинал пахнуть древностью — сыростью, ржавчиной, холодом, который держится в камне, а не приходит снаружи.

Впереди тянулся коридор, стены которого были исчерче-

ны рунами, и я вдруг поймала себя на том, что понимаю их смысл не глазами — кожей.

— Пещера Связи, — произнёс старый мастер-драконовед, когда мы остановились у высокой арки, и голос у него был сухой, будто он давно перестал удивляться.

— Здесь не делают ошибок, курсантка Кровавая: ошибка здесь не позор, а смерть.

Я хотела ответить, что смерть мне обещали ещё у ворот, но промолчала, потому что сейчас любые слова звучали бы как нервная защита.

Я просто кивнула и шагнула внутрь, туда, где воздух стал гуще, а тишина — тяжелее.

Пещера была огромной, но не пустой: её заполняли руны, вырезанные в камне по спиралям, словно кто-то пытался удержать здесь силу, которая рвалась наружу.

В центре стоял камень — гладкий, тёмный, с неглубокой выемкой, и от него тянуло слабым металлическим запахом, как от лезвия.

Морок уже был здесь, его силуэт почти растворялся в полумраке, но фиолетовые глаза светились, как два спокойных угля.

Он не рычал и не пугал — он ждал, и это ожидание давило сильнее любых угроз.

— Ритуал единения крови и магии, — сказал мастер, обходя камень и проверяя руны так, будто это приборы, а не древняя резьба.

— Ты надрежешь ладонь, приложишь к камню и отдашь часть себя; он сделает то же самое, и связь закрепится.

Слова «отдашь часть себя» прозвучали странно буднично, но пальцы у меня всё равно свело холодом.

Я подняла руку и увидела, как дрожит кожа на костяшках — не от страха даже, а от понимания, что после этого «я» уже не будет прежним.

Мастер протянул мне тонкий резец, и металл оказался неожиданно тёплым, будто его держали слишком долго.

— Быстро, — сказал он, и это «быстро» было милосердием, потому что медленно — значит дать сомнению съесть тебя.

Я провела резцом по ладони.

Боль была резкой и короткой, и кровь выступила сразу — густая, тёмная, слишком яркая на фоне камня.

— К камню, — приказал мастер.

Я прижала ладонь к выемке, и холод камня будто втянул кровь в себя, не оставляя ей выбора.

Морок подошёл ближе, и воздух рядом с ним стал другим — тише, глубже, словно я оказалась под водой.

Он наклонил голову, и на миг я увидела край его когтя, затем — как он делает надрез на своей чешуйчатой лапе, и тёмная, почти чёрная кровь падает на тот же камень.

В тот момент, когда две крови смешались, я ожидала вспышки, боли, удара в сознание — чего угодно громкого и понятного.

Но случилось другое: мир не взорвался, он провалился внутрь.

Сначала исчез звук: я перестала слышать дыхание мастера, шорох одежды, каплю крови.

Потом исчезла пещера, и осталось только ощущение огромного присутствия — оно было внутри меня, а не рядом.

И тогда я услышала голос.

Не человеческий — древний, рокочущий, как лавина, и он прозвучал прямо в моей голове, не спрашивая разрешения.

«Наконец-то. Та, что слышит песню крови».

Я должна была не понять ни слова, но поняла всё — смысл, оттенок, древнюю тяжесть каждого звука, и от этого у меня похолодели пальцы на камне.

Мастер что-то сказал — я увидела, как шевельнулись его губы, но не услышала, потому что голос Морока перекрыл всё.

В голове развернулось пространство — не слова и не разговор, а место, в котором я оказалась слишком маленькой, чтобы спорить.

Я не успела испугаться по-настоящему, потому что следом пришла волна — чужая память, которая накрыла меня, как вода накрывает человека, стоящего слишком близко к обрыву.

Это было живым присутствием — я стала глазом, кожей и дыханием другого существа.

Я увидела поле боя.

Серое небо, дым, крик металла, и крылья — огромное количество крыльев — резали воздух, превращая его в рваные полосы.

Я видела глазами Морока, и от этого всё казалось резче. Запах крови жил во мне — горький, тяжёлый, липкий.

Где-то рядом ревели драконы, и каждый рев отдавался в костях как команда к убийству.

Слева вспыхнул огонь, справа рухнула башня, и земля под лапами — под моими лапами? — дрожала от ударов.

Я двинулась вперёд рывком, как тень, как ночь, и увидела людей внизу — маленьких, но отчаянных, с мечами, с копьями, с лицами, которые не успевают стареть, потому что смерть берёт их слишком рано.

И среди них я увидела отца.

Передо мной был живой человек в бою, где нет места для лжи — не имя из чужих разговоров, не ярлык из академических коридоров.

Он сражался так, как я помнила его по тренировкам в детстве: без лишних движений, с холодной точностью, будто каждая секунда для него — монета, которую нельзя потратить глупо.

Его лицо было сосредоточенным — такое бывает у тех, кто в бою защищает нечто большее, чем собственную жизнь.

Рядом с ним — другой мужчина, старше, шире в плечах, с тем же жёстким профилем, который я уже видела в Кейдене,

только без шрамов.

Генерал Железное Сердце — отец Кейдена — держал строй, но в какой-то миг его шаг сорвался, и я увидела, как к нему летит удар из тени.

Отец рванулся, перекрывая собой чужую ошибку.

Клинок, предназначенный Железному Сердцу, встретил сталь моего отца, и искры брызнули так ярко, будто кто-то пытался ослепить саму правду.

«Нет» — мысль ударила во мне, хотя я не могла говорить, потому что это было не моё тело и не моя воля.

Отец не убивал его — он прикрывал ему спину, и это было настолько очевидно, что я почувствовала почти физическую тошноту от того, как легко академия построила на лжи целую легенду.

Я попыталась разглядеть того, кто ударил из тени.

Лицо было скрыто — словно дым специально стянулся, чтобы не дать мне увидеть черты, но рука, державшая оружие, на мгновение оказалась в свету.

На ней было кольцо.

Кольцо со змеей — тонкий обод, и змея, свернувшаяся вокруг камня, смотрела как живое предупреждение.

Следом картинка оборвалась, будто кто-то грубо выдернул меня из чужой головы.

Я почувствовала удар в грудь и провал — и снова камень под ладонью, снова пещера, руны, запах крови.

Я рухнула на колени, потому что ноги отказали, и ладонь

с надрезом жгло так, словно в рану влили раскалённый металл.

Морок стоял надо мной, и его фиолетовые глаза были слишком спокойными для того, что только что произошло внутри меня.

— Встань, — сказал мастер резко, и я поняла, что он говорит вслух, потому что слышу звук снова.

Он смотрел на меня как на проблему, способную сжечь всё вокруг, если её не контролировать.

— Связь установлена, — произнёс он, и голос у него был ещё суше, чем прежде.

— С этого момента ты отвечаешь не только за себя, курсантка Кровавая: ты отвечаешь за... него.

Он не произнёс «Морока» вслух, будто боялся дать имени силу, и это почему-то вызвало во мне почти злую усмешку.

Если он боится имени, что будет, когда он узнает, что я понимаю язык, который считается мёртвым уже тысячу лет.

Мысль о языке ударила позже — как запоздалый холод.

Я ведь действительно поняла Морока, и понимание было не «интуицией», а знанием, будто кто-то открыл во мне дверь, которую я не знала, как запереть.

Я вцепилась пальцами в камень, поднялась медленно, не позволяя телу показать слабость.

Под кожей всё ещё вибрировало чужое присутствие, и я поняла: он не «рядом», он теперь внутри моего мира.

«Молчи» — прозвучало в голове, коротко, тяжело, без

приказа, но так, что спорить не хотелось.

Это было не слово, а камень, положенный мне на язык.

Я сглотнула и посмотрела на мастера.

— Всё прошло как должно? — спросил он, и вопрос был ловушкой: ответишь честно — тебя разберут на части.

— Как должно, — сказала я, и голос мой прозвучал ровнее, чем я ожидала.

Я не добавила ни слова про голос, про язык, про видение, потому что понимала: правда здесь не награда, а повод для казни.

Мастер ещё секунду смотрел на меня, будто пытаюсь найти трещину, через которую вылезет моя тайна.

Потом он резко отвернулся и махнул рукой инструкторам у входа, давая знак, что ритуал завершён.

Когда меня вывели из пещеры, свет коридора резанул глаза, и мир снова стал человеческим: узкие стены, шаги, холод, чужие лица.

Но внутри меня уже было другое измерение — поле боя, кровь, и кольцо со змеёй, которое светилось в памяти так ярко, как факел в темноте.

Я шла, не чувствуя пола, и только одно держало меня в прямой линии — мысль об отце.

Он не был предателем: он защищал, он прикрывал, он умирал не за ложь.

Где-то наверху за стенами снова прокатился гул крыльев, и я поняла, что теперь этот звук всегда будет откликаться во

мне иначе — как зов, как обещание силы, как напоминание о цене.

Я не знала, что будет дальше, но знала, что назад пути больше нет, потому что назад — это согласиться с их историей.

Я подняла взгляд на серое утро академии и почувствовала, как внутри собирается холодная, чёткая цель — без надежды на чудо.

Я больше не сомневалась: моего отца подставили, и в этой системе лжи есть человек — или род — с кольцом со змеёй.

Я выпрямилась так, будто на плечи мне положили не груз, а броню.

И, чувствуя, как сила Морока течёт в моей крови, я сказала себе то, что было страшнее любой клятвы вслух: я найду того, кто носит кольцо со змеёй, пусть даже мне придётся сжечь всю академию дотла.

Глава 4

Кейден Железное Сердце

Я поднялся по винтовой лестнице без спешки, но с каждым витком злость в груди разогревалась, как металл в горне: медленно, упрямо, до бела.

Сегодня на поле выбора эта девчонка должна была провалиться.

Должна была.

А вместо этого древний теневой зверь, который пять веков не выбирал никого, вышел из пещеры и ткнул в неё своим лбом, будто запечатал мой приговор.

Дверь в кабинет ректора охраняли двое. Они открыли без стука — потому что тут стучат только те, кто ещё надеется на любезность.

Ректор сидел за массивным столом, и на фоне его спокойного лица мой гнев выглядел бы мальчишеской вспышкой, если бы я не держал его в кулаке уже три года.

— Инструктор Железное Сердце, — произнёс он. — Садись.

Я не сел.

— Говорите, — сказал я, и голос прозвучал ровно. Ровно — значит, я ещё держусь.

Ректор не поднял брови. Не сделал замечание. Он знал, что делает.

— Курсантка Кровавая закреплена за тобой. С этого дня ты её личный инструктор.

Слова упали на стол, как железо.

Я почувствовал, как дёрнулась челюсть. Как в виске стукнуло.

— Нет.

Сказал коротко. Чётко. Так, как отдают приказ на поле боя.

Ректор поднял взгляд.

— Это не просьба.

— Вы назначаете меня нянькой? — Я услышал, как в собственном голосе прорывается злость, и тут же сжал её обратно. — Её должен вести мастер драконовед. Или трое мастеров. Или сам Совет, раз им так хочется держать рядом с собой теневой кошмар.

— Её будет вести мастер драконовед по части связи и теории, — спокойно сказал ректор. — А выживание на плацу — твоя зона ответственности.

Я усмехнулся.

— Выживание? Вы хотите, чтобы она выжила?

Ректор не моргнул.

— Я хочу, чтобы выжила академия.

Слова были сказаны спокойно. И от этого стало ещё хуже.

— Она — дочь предателя, — вырвалось у меня.

Я ненавидел это слово. Я жил на нём, как на гвозде.

— Она — курсантка Военной Академии Всадников Эри-

дора, — ответил ректор. — И её выбрал дракон, который способен стереть половину наших стен одним выдохом.

Я открыл рот, чтобы сказать «тем более».

Но он опередил меня.

— Только сын Железного Сердца может справиться с всадницей такого дракона.

Вот оно.

Нажим. Игла, которую он вонзил точно туда, где я всегда кровоточил.

«Сын Железного Сердца».

Я увидел лицо отца — не в памяти даже, а в привычной тени за плечом. Улыбка перед выходом. Рука на моём затылке. «Смотри прямо, Кейд. Не моргай, когда страшно».

А потом — пустота.

Я сжал пальцы так, что кожа перчаток скрипнула.

— Значит, вы хотите, чтобы я повторил судьбу отца? — спросил я тихо.

Ректор не отвёл взгляд.

— Я хочу, чтобы ты сделал то, что должен.

«Должен».

Это слово в нашем мире означает одно: выбирай, чем ты готов заплатить.

Я медленно выдохнул.

— Я не буду её защищать.

— Будешь, — сказал ректор. — Таков Кодекс Всадника. Инструктор отвечает за курсанта, даже если ненавидит его.

Даже если считает его врагом.

Я ненавидел Кодекс за то, что он всегда прав.

Я ненавидел себя за то, что всегда ему подчиняюсь.

— Если она погибнет на тренировке, — добавил ректор, — Морок не будет разбираться, случайно ли это вышло. Он решит, что её убили. И тогда погибнет не одна курсантка.

Я молчал.

Потому что это было уже не про неё.

Это было про выбор: сохранить порядок или утонуть в ха-
осе.

Ректор пододвинул ко мне папку.

— Расписание, доступы, подписи. Формальность.

Я не взял папку.

— Почему именно я?

— Потому что ты единственный, кто не испугается, — ответил ректор. — И единственный, кто сможет удержать себя в руках рядом с ней.

Я едва не рассмеялся.

«Удержать себя в руках».

Если бы он знал, как я хочу разжать руки на её горле — хотя бы на секунду, чтобы мир снова стал простым.

Я взял папку.

— Прекрасно, — сказал я. — Я сделаю, как вы хотите.

Ректор кивнул — будто всё и так было решено.

— Только помни, Кейден: ломать можно по-разному. Есть вещи, которые потом не собрать.

Я развернулся к двери.

— Я не собираюсь собирать, — бросил я через плечо. — Я собираюсь выжечь.

Тренировочное поле встретило меня привычным запахом: мокрая земля, металл, пот.

Солнца не было. Серая пелена висела над академией, и от этого всё вокруг казалось ещё более жёстким, будто мир специально убрал лишние краски.

Она стояла у кромки поля.

Одна.

Она стояла отдельно — без кучки курсантов, без чужих спин и без подсказок, за которыми можно спрятаться.

Просто стояла — маленькая на фоне каменных стен, в чёрной коже, с собранными волосами, с бледным лицом, которое выглядело слишком живым на этом сером фоне.

Когда я подошёл, она не сделала шага назад.

Плохо.

Хорошо.

Смотря для чего.

— Кровавая, — сказал я вместо «доброе утро».

Она подняла на меня фиалковые глаза.

В её взгляде не было ни просьбы, ни страха, ни попытки понравиться — только ровная ненависть.

Я почувствовал, как внутри вспыхнула ответная — старая, удобная.

— Разминка, — приказал я. — Десять кругов. Быстро.

Она не спросила «почему».

Побежала.

Десять кругов для неё — это приговор, и я это видел сразу: плечи напряжены, дыхание сбивается уже на втором, шаги становятся короче, как у человека, который считает не расстояние, а выжившие секунды.

Я не дал ей остановиться.

— Не замедляться, — сказал я, когда она попыталась перейти на шаг.

Она стиснула зубы и побежала дальше.

На пятом круге у неё покраснели уши. На седьмом дрогнули колени. На девятом она споткнулась — и тут же выпрямилась, будто земля обожгла.

На десятом она остановилась передо мной, не опуская глаз, но грудь ходила так, будто она проглотила огонь.

— Отжимания, — сказал я. — Двадцать.

Она опустила на землю.

Ладони дрожали. Пальцы вжимались в грязь. Первый раз она поднялась резко, будто хотела доказать мне, что это ничто. На пятом скорость упала. На десятом она начала дрожать уже вся — мелко, зло.

На девятнадцатом руки подкосились, и она рухнула грудью на землю.

Я наклонился.

— Встать.

Она подняла голову. Грязь на щеке. Дыхание рваное.

— Двадцатый, — повторил я.

Она выдохнула — и поднялась.

Медленно. Сжав зубы. Сделала. Потом осталась на коленях, будто земля держала её за плечи.

Я мог бы на этом закончить.

Дать ей минуту, чтобы не довести до обморока. Любой здоровый инструктор так бы и сделал.

Но здоровый смысл мне сегодня не нужен был.

Мне нужна была победа.

— Спарринг, — сказал я и бросил ей деревянный меч.

Она поймала его неуклюже — рукоять ударила по ладони, и я увидел, как она морщится. Надрез после ритуала ещё болит. Логично.

— Стойка, — приказал я.

Она поднялась. Поставила ноги. Не идеально. Но не развалилась.

— Нападай.

Она не двинулась сразу. Секунду считала. Стратег. Она ищет слабое место, а слабого места у меня нет.

Я сделал шаг вперёд.

— Нападай, — повторил я, уже тише.

Она рванула.

Быстро для своего роста. Резко. Упрямо.

Я отбил удар одним движением и тут же пошёл в ответ.

Её меч взвизгнул, когда я выбил его в сторону. Она отступила на шаг, пытаясь удержать равновесие.

— Смотри на плечи, — сказал я. — Не на оружие.

Она не ответила.

Снова удар.

Снова отбив.

Я гнал её по полю, как гончую гонят по кругу: не давая отдышаться, не давая собраться.

Она пару раз почти попала — из-за того, что я недооценил её скорость. Это меня разозлило.

Я сделал финт, подставил её под захват, шаг — и в следующий миг её спина оказалась на земле.

Я прижал её плечи коленом, меч упёрся ей в горло — не касаясь кожи, но достаточно близко, чтобы она почувствовала холод дерева как металл.

Она тяжело дышала.

Я видел, как поднимается и опускается её грудь под кожаной курткой, как дрожит горло от дыхания, как она пытается не показать слабость даже сейчас — лежа подо мной, прижатая к грязи.

И в этот момент я поймал странную, мерзкую вещь.

Это было даже не мыслью и не желанием, а голым телесным ощущением.

Её тепло — сквозь ткань, сквозь воздух, сквозь злость. Её запах — кровь, земля, кожа, и что-то ещё, чистое, упрямое.

Я должен был чувствовать только ненависть.

А тело, как всегда, попыталось быть честнее меня.

Меня затошнило — от себя.

Я оттолкнул её резче, чем нужно.

Она перекатилась на бок, закашлялась, но не издала ни звука, похожего на просьбу.

Поднялась на колени.

И посмотрела на меня снизу вверх.

Фиалковые глаза были яркими даже в этом сером дне. В них не было слёз.

Только сталь.

— Встать, — сказал я.

Она встала.

— Ещё раз.

И мы пошли по кругу снова.

Я победил легко. И всё равно злился так, будто проиграл.

Потому что она не ломалась.

Потому что она не просила.

Потому что каждый раз, когда она поднималась, внутри меня что-то скрежетало: это не похоже на дочь человека, который «ударил в спину».

Это похоже на человека, который привык держать удар.

Я закончил спарринг, когда увидел, что её колени вот-вот подогнутся окончательно.

Я остановил спарринг из расчёта, а не из жалости.

Если она упадёт без сознания, мне придётся её откачивать. А я не хочу её трогать больше, чем уже пришлось.

— Хватит, — сказал я.

Она стояла, тяжело дыша, и на секунду мне показалось,

что сейчас она скажет хоть что-то. Проклятье. Упрёк. Сарказм.

Но она молчала.

Это молчание било сильнее слов.

— Запомни, Кровавая, — сказал я. — На поле боя никто не будет жалеть твою хрупкость.

Она подняла подбородок.

— Я и не прошу, — ответила она тихо.

Голос был ровный, без дрожи.

И от этого у меня внутри снова вспыхнула злость — на себя, за то, что она заставляла меня слышать в себе лишнее.

— Тогда и не рассчитывай, — сказал я. — Завтра продолжим.

Я ушёл, не оборачиваясь.

Потому что если обернусь, увижу её стоящей. Не сломанной.

И это будет означать, что первый раунд я проиграл.

Вечером я спустился в пещеры.

Солярис почувствовал меня ещё до того, как я вошёл: тёплая волна в голове — короткая, чёткая, как доклад.

— Я здесь, — сказал я мысленно.

Он лежал на камне, как на троне. Золотая чешуя в полумраке не сияла, а тлела — как металл в кузне, готовый стать оружием.

Злишься, — отозвался он.

Я усмехнулся про себя. С Солярисом не было смысла

юлить. Он чувствовал правду так же легко, как ветер чувствует запах дыма.

— Я должен тренировать её, — сказал я. — По приказу.
По долгу, — поправил он.

— По приказу, — упрямо повторил я. — И это ошибка.

Солярис поднял голову. Его глаза были золотыми, но не человеческими — там не было сомнений, только ясность.

Ошибка — думать, что мир обязан быть простым, — ответил он.

Я сжал кулаки.

— Морок не должен был её выбирать.

Солярис молчал секунду, и в этой паузе было больше смысла, чем в любой речи ректора.

Он спокоен, — передал он наконец.

Я нахмурился.

— Кто «он»?

Морок. Спокойствие Соляриса было почти раздражающим. Не рычит. Не рвёт камень. Не зовёт войну. Он... ждёт.

Слово «ждёт» было самым плохим. Потому что ждать умеют только те, кто уверен, что дождётся.

— Это проклятие, — сказал я. — Оно выбрало её, чтобы добить нас всех.

Солярис фыркнул — горячо, сухо.

Я чувствую тьму, — сказал он. *Тьма пахнет иначе. В ней... не она.*

Я замер.

— Что значит «не она»?

В ней — стержень. И тут он добавил то, от чего у меня внутри что-то сдвинулось, неприятно и опасно: *Не путай злость и зло.*

Я хотел отмахнуться. Хотел сказать, что дракон не понимает человеческих дел, человеческих предательств.

Но Солярис понимал. Он был рядом, когда погиб мой отец. Он был рядом, когда я клялся.

И если даже он говорит...

— Она смотрит на меня так, будто хочет убить, — сказал я.

Ты смотришь на неё так же, — спокойно ответил Солярис.

Это было несправедливо. Потому что справедливость я всегда держал в руках, как оружие, а он только что повернул её остриём ко мне.

Я сделал вдох. Медленный.

— Мне нельзя сомневаться, — сказал я. — Сомнение убивает.

Слепота убивает чаще, — ответил Солярис.

Я закрыл глаза на секунду.

Перед внутренним взглядом встала сцена на поле: Морок, склоняющий голову к её лбу. И я — стоящий в стороне, с ощущением, что у меня из рук вырвали основу мира.

— Я сломаю её, — произнёс я вслух, будто закреплял ре-

шение. — И Морок либо уйдёт, либо покажет зубы. И тогда Совет поймёт, с чем имеет дело.

Солярис не спорил.

Он просто передал короткое ощущение — не приказ, не аргумент.

Тревогу.

И эту тревогу я ненавидел не меньше, чем сам Морок.

Я поднялся.

— Завтра я устрою тренировку при всех, — сказал я. — Пусть увидят, что она из себя представляет.

И что ты из себя представляешь, — тихо добавил Солярис.

Я не ответил.

Потому что ответ был бы признанием.

Я вышел из пещеры в холодный коридор и впервые за день поймал себя на мысли, которая не должна была появляться: а что, если сломаться могу я?

Я сжал эту мысль, как горло врага, и заставил себя думать о другом — о дисциплине, о порядке, о том, что боль всегда работает, если дать ей достаточно времени.

Если она не сломается от физической боли — значит, я ударю по стыду.

Завтра на тренировке будут все.

И завтра я устрою ей публичную порку, от которой она уже не оправится.

Глава 5

Виолетта

Я вышла на поле ещё до того, как прозвучала команда, потому что ждать удара в комнате хуже, чем встречать его лицом.

Вчера Кейден пообещал «порку при всех», и академия явно пришла не тренироваться — смотреть.

Краем глаза я видела, как курсанты сбиваются полукольцом, будто у них спектакль, а у меня — казнь.

Кейден появился ровно в назначенный час, и с ним пришла тишина — не уважительная, а выжидающая.

Он даже не смотрел по сторонам, будто весь мир — фон, а цель одна.

Я.

— В круг, — сказал он.

Никаких «курсанты» и «в строй» — сразу туда, где не спрячешься.

Я шагнула на утоптанную землю, и ботинки утонули в сыром грунте, будто поле решило заранее показать: здесь вязнут.

Кейден махнул рукой.

Из строя вышел курсант — высокий, широкоплечий, из тех, кто привык брать силой то, что ему нравится.

Он держал тренировочный меч легко, как продолжение

руки, а на меня смотрел с насмешкой, не скрывая удовольствия.

— Три раунда, — бросил Кейден.

— Без снисхождения.

Последнее слово он произнёс так, будто снисхождение — это грязь, а грязь он ненавидит.

Я подняла меч.

Ладонь со свежим порезом после ритуала ныла, и боль была мерзкой — тупой, постоянной, как напоминание: ты теперь связана, хочешь ты того или нет.

Я заставила пальцы сомкнуться крепче, потому что слабость в руке — это слабость во всём теле.

— Начали! — отрезал Кейден.

Первый удар пришёл сразу.

Курсант пошёл напролом, как бык, и я едва успела уйти с линии, чувствуя, как воздух свистит у виска.

Я попыталась сыграть на скорости — шаг в сторону, попытка ударить по кисти, — но его рука оказалась дальше, чем казалось, а плечо — тяжелее, чем должно быть у человека.

Он задел меня по предплечью.

Не сильно, тренировочно, но так, что рука онемела до локтя, а меч на секунду стал чужим.

Толпа среагировала мгновенно — короткий смешок, как щелчок кнута.

Я не смотрела на зрителей.

Я смотрела на его ноги.

На плечи.

На дыхание.

Я искала рисунок, потому что сила без рисунка — это просто мясо, а рисунок можно сломать.

Я почти нашла.

Когда он снова размахнулся, я нырнула ближе, ударила в корпус плечом и попыталась вывести его из равновесия.

На долю секунды он качнулся — и это была моя единственная победа.

Он поймал меня за ремень на куртке и просто дёрнул.

Мир провернулся, земля ударила в бок, дыхание выбило из лёгких так, что я услышала собственный хрип.

Меч вылетел из пальцев и стукнулся о камень где-то сбоку.

— Встать, — сказал Кейден.

Он не крикнул, но приказ прошёл по мне, как холодная вода.

Я поднялась.

Грязь прилипла к ладони, к колену, к щеке, и это было особенно унижительно — будто академия метила меня, как дворнягу.

Я шагнула к мечу и подняла его, не глядя ни на кого.

Второй раунд длился меньше.

Я держалась, пока хватало дыхания, но усталость уже сидела в мышцах, а он был свежий и уверенный.

Он снова поймал меня на силе, прижал к земле коленом и выставил деревянное лезвие к горлу, имитируя смертельный укол.

— Хватит, — сказал Кейден.

И повернулся к толпе так, будто сейчас читает приговор.

Третий раунд был лишним, но он его дал.

Он дал третий раунд не для тренировки, а чтобы я запомнила.

На третьем раунде я упала уже не красиво и не «тактически», а просто потому что ноги отказали на один удар раньше, чем я успела отступить.

Смех вокруг стал громче.

Я слышала его как через воду, но каждое «ха» всё равно попадало в самое больное место.

Каждое «ха» било не по синякам, а по гордости.

Кейден подошёл медленно.

Я подняла на него взгляд снизу, потому что стоять пока не могла, и увидела в его золотых глазах холод, который не похож на ярость.

Ярость бывает горячеей.

Его холод был аккуратным.

— Слабачка, — сказал он громко, так, чтобы услышали все.

— Твоему дракону должно быть стыдно.

Я почувствовала, как эти слова цепляются за меня крючками.

Я не поверила, но он выбрал правильную мишень.

До Морока мне было не дотянуться руками, но словами — можно.

Я поднялась, не глядя на него.

Спина болела, ладонь жгло, в горле стоял привкус земли.

Я ничего не сказала, потому что любой ответ стал бы для них наградой.

Я ушла с поля так ровно, как только могла.

За спиной ещё долго тянулся шум, но с каждым шагом он становился тише, и вместе с ним уходило желание развернуться и вцепиться кому-то в лицо.

В казарме я умылась холодной водой, и она не смыла стыд — только сделала его острее.

Под кожей жила злость, но злость без цели — пустая трата сил, а сил у меня было мало.

Я села на кровать и прикрыла глаза, удерживая дыхание ровным, чтобы никто не услышал, как оно дрожит.

«Не грызи себя», прозвучало в голове тяжело и спокойно.

Голос Морока не утешал, он констатировал, как констатируют погоду: буря, значит буря.

Я сглотнула.

«Он прав?» — спросила я мысленно, и от того, что я задала этот вопрос, мне стало противно.

«Тебе должно быть стыдно?»

В ответ пришёл не смех и не жалость.

Пришёл образ: камень, который точат водой.

Долго.

Упрямо.

Без истерик.

«Стыд — для тех, кто врёт себе», отозвался Морок.

«Ты — жива. Ты — учишься. Этого достаточно».

Я выдохнула.

Днём у меня забирали право на достоинство, а ночью — возвращали его одним коротким, тяжёлым смыслом.

Когда казарма наконец затихла, я дождалась ровного дыхания соседок и поднялась.

Чёрная кожа формы шуршала тихо, как крыло, и каждый звук казался слишком громким в коридоре.

Я шла к пещерам так, будто иду на преступление, хотя на самом деле шла за единственным, что мне здесь не продавали за унижение.

Ночь снаружи была другой: холоднее, чище, честнее.

Небо висело низко и было усыпано звёздами так плотно, будто кто-то рассыпал соль по чёрной ткани.

Где-то далеко перекликались драконы — глухо, редко, как если бы они разговаривали не звуком, а расстоянием.

Морок ждал меня у входа в свою пещеру.

В темноте он почти растворялся, но глаза горели фиолетово и спокойно, и от этого спокойствия у меня внутри становилось тише.

Я подошла ближе и коснулась его чешуи — коротко, как здороваются, когда слов не хватает.

«Покажи мне», попросила я мысленно, потому что устала от приказов и унижений и хотела наконец понять, что со мной происходит.

Морок не отвечал словами.

Он развернул передо мной память — иначе, чем в пещере Связи: книгами, рунами, голосами, которые звучали не во рту, а в крови.

Я увидела, как когда-то всадники и драконы говорили на одном языке, и это было старше любого слова «магия» — просто естественным, как дыхание.

«Люди забыли», сказал Морок, и в этих двух словах было презрение не к людям, а к глупости.

«Разучились слушать».

Я поймала себя на том, что отвечаю ему не мыслями, а фразой на древнем языке — короткой, жёсткой, звучащей во рту чужими звуками.

Я не знала, откуда она взялась, но знала, что она правильная, и от этого стало страшно по-настоящему: если я умею то, что «не существует», значит, меня можно уничтожить за одну ошибку.

«Тише», отозвался Морок, и на этот раз я почувствовала не приказ, а щит.

«Здесь — наша ночь».

Он учил меня «держат связь», как держат поводья — просто чувствовать, без рывков и паники.

Я пробовала — и у меня не получалось сразу, потому что

я привыкла жить головой, а он требовал жить нервами и кожей.

Каждый раз, когда я срывалась в страх, связь начинала рваться, и тогда Морок показывал мне образ: спокойная вода, в которую бросили камень, и круги расходятся сами — не потому что вода слабая, а потому что она живая.

Я не знаю, сколько прошло времени.

Ночь в пещере течёт иначе: ты либо выдержишь, либо ломается что-то внутри.

Когда я наконец смогла удержать контакт ровным, Морок поднял голову и сказал так, будто решал давно: «Хватит ползать по земле, дитя. Пора летать».

Сердце у меня ухнуло вниз раньше, чем мы вообще двинулись.

Полететь — значит показать всем, что я не просто «выбрана», я действительно всадница, а это привлечёт внимание, которое мне сейчас опаснее любого удара.

Но Морок не спрашивал — он знал, что мне это нужно больше, чем осторожность.

Он опустился ниже, давая мне залезть, и я взобралась на его спину с неловкой спешкой человека, который боится передумать.

Чешуя под ладонями была холодной, как камень, но под холодом шла сила, и эта сила держала меня лучше любых ремней.

Я устроилась, вцепилась пальцами, и в голове вспыхнуло

короткое: «Дыши».

Мы оттолкнулись от земли так легко, что первое мгновение я даже не поняла, что уже не стою.

Потом воздух ударил в лицо, холодный и чистый, и у меня вырвался короткий выдох — будто грудь наконец распрямили.

Крылья Морока развернулись, и ночь под нами стала глубокой, как море.

Страх держался за меня цепко.

Я чувствовала, как живот проваливается, как пальцы немеют, как каждая мысль пытается уцепиться за «нельзя».

Но Морок нёс меня — и держал меня своим спокойствием, и я внезапно поняла: он не уронит меня.

Мы поднялись выше башен, выше стен, выше шёпота.

Внизу академия казалась игрушечной крепостью, а люди — точками, которые слишком много о себе думают.

Ветер выл в ушах, и от этого в голове стало пусто и хорошо, потому что пустота иногда — единственный отдых.

И вот здесь, в воздухе, произошло то, ради чего стоило терпеть днём.

Стыд перестал быть главным.

Боль стала фоном.

Осталось только ощущение: я не ломаюсь.

Мы летели над чёрными скалами, над полосой леса, который ночью выглядел как спина зверя, над холодной рекой, где звёзды дрожали в воде.

Морок не показывал трюков и не пытался впечатлить — он просто давал мне понять, что мир шире, чем академия и её правила.

Я поймала себя на коротком, почти злом смехе: как же мелко звучит «слабачка», когда ты держишься за чешую древнего дракона и видишь землю с высоты, на которой люди становятся честнее.

Когда Морок пошёл на снижение, у меня снова сжалось внутри — как перед падением.

Но посадка была мягкой, почти бесшумной, и я спрыгнула на землю, дрожа уже не от страха, а от того, что тело ещё помнит полёт.

Я стояла у входа в пещеру, глотая воздух, будто он был лекарством.

Ладони горели, волосы выбились из-под ремня, и мне впервые за долгое время было всё равно, как я выгляжу.

И именно тогда я заметила движение.

Подальше, у скал, там, где тень гуще и камень темнее.

Кто-то был там.

Я замерла, и сердце провалилось так резко, будто мы снова сорвались вниз.

Тень шевельнулась — едва, почти незаметно — и исчезла, будто её и не было.

Я не знала, друг это или враг, но знала другое: кто-то теперь знает о моих ночах.

Глава 6

Виолетта

На следующий день я проснулась ещё до сигнала, будто меня кто-то дёрнул за нитку. Тело болело ровно и упрямо, как будто внутри меня поселили чужую тяжесть. Синяки после вчерашнего «урока» жили собственной жизнью: тянули, жгли, вспыхивали при каждом вдохе.

Но боль была не самым неприятным.

Самым неприятным была мысль о тени у скал.

Я видела её всего миг — движение, смазанное ночным камнем, — и всё равно проснулась с тем же ощущением, с каким просыпаются люди, которым снилась открытая дверь. Ты не помнишь, что именно страшно, но знаешь: что-то вошло.

На тренировку я шла как на казнь — и это было смешно, учитывая, что накануне я летала. Я держала в голове это чувство высоты, как маленький злой секрет: они могут бросать меня в грязь, но небо у меня уже было, и я не забуду.

Кейден стоял на поле, как всегда. Чёрная форма, руки за спиной, лицо без эмоций. Рядом — курсанты, те самые, что умеют смеяться без риска, потому что их фамилии звучат громче чужих костей.

Я увидела его взгляд — ровный, холодный — и подумала, что он похож на хорошее оружие: не шумит, не трясётся, но

оставляет раны чище любого ножа.

Тренировка прошла без спектакля. Будто вчерашнего унижения было мало, и он решил, что сегодня будет просто методично выматывать меня до пустоты. Упражнения сменяли друг друга без пауз. Ошибка — команда повторить. Ошибка — ещё раз. Ошибка — снова.

Он не орал. Не унижал вслух. От этого было хуже: когда кричат, можно злиться на крик. Когда молчат, остаётся только ты и твой провал.

Я держалась.

Я была всё ещё слабее большинства. Но научилась одной вещи: не показывать, где болит.

И всё же к обеду я чувствовала себя так, будто по мне прошли сапогами. Плечи деревянные, спина ломит, ладони саднят — свежий шрам после ритуала отзывался на каждое движение.

В столовую я вошла последней. Там всегда шумело — металлом, голосами, стуком кружек, смехом, который здесь звучал как демонстрация силы. Но стоило мне переступить порог, как шум чуть изменился. Не стих — просто потемнел.

Я шла к своему месту, к краю длинных столов, где обычно оставляют тех, кто «не вписывается». Здесь даже воздух был другой: рядом с элитой пахло специями и дорогими маслами, здесь — простой кашей и вечным холодом камня.

Я села. Поднесла к губам кружку с водой и заставила пальцы не дрожать.

Внутри меня всё время была натянута струна: вот сейчас кто-то подойдёт. Вот сейчас скажут про ночь. Вот сейчас поймут, что я была у пещер не по уставу.

Я не знала, кто видел меня у скал — курсант? инструктор? тот, кто следит по чьему-то приказу?

И именно поэтому заметила её сразу.

Элара Светлокрылая.

Она шла по проходу так, как ходят те, кто привык, что дорога сама освобождается. Высокая, ровная, светлые волосы собраны в аккуратный хвост, форма сидит идеально. Та самая из «правильных». Из тех, кому улыбаются преподаватели и уступают место на ступенях.

Это была не та золотая девица у ворот, но из того же мира — ровная спина, дорогая форма, привычка, что дорогу уступают без просьбы.

Она остановилась у моего стола.

Я не подняла голову сразу. Дала себе секунду, чтобы собраться лицом. Чтобы взгляд не выдал, как у меня внутри всё провалилось.

Потом подняла.

Она смотрела на меня прямо. Без насмешки. Без презрения. Даже без привычного любопытства, которое здесь обычно прикрывают «воспитанием».

— Кровавая, — сказала она.

Она назвала меня по фамилии, а не «дочерью предателя». Уже необычно.

Я молчала.

Элара села напротив — просто взяла и села, будто её никто не учил, что такие места «не для неё». На соседних лавках кто-то замер. Кто-то нарочито отвернулся. Я почувствовала взгляд, которым на неё смотрели: «ты что делаешь?»

Она не обратила внимания.

— Это я вчера видела тебя, — сказала она тихо. — У скал.

Вода в кружке стала ледяной, будто я только что глотнула снег.

Я не дёрнулась. Не отпрянула. Не сделала ничего, что выдало бы страх. Только поставила кружку ровно на стол, чтобы металл не звякнул.

— И? — спросила я.

Голос прозвучал слишком спокойно. Почти хорошо. Я бы даже гордилась, если бы внутри не грохотало сердце.

Элара наклонилась чуть ближе.

— Я не собираюсь доносить, если ты об этом, — сказала она. — Но ты должна понимать: тебя могли видеть и другие.

«Могли». Значит, она не уверена. Или уверена, но проверяет меня.

Я посмотрела на её руки. Чистые ногти. Нет дрожи. Ей не страшно.

— Зачем ты подошла? — спросила я.

Она выдержала паузу — ту самую, которую берут люди, когда говорят правду и понимают, что им не поверят.

— Потому что это было... невероятно, — сказала она на-

конец. — Я никогда не видела, чтобы кто-то летал так. Не «держался», не «выдерживал», а... будто вы одно целое.

Я не сразу поняла: это была похвала.

Я не знала, что делать с похвалой. В академии её используют как приманку или как нож.

— Ты видела слишком мало, — сказала я. — Уходи, Светлокрылая.

Элара не ушла.

Она смотрела на меня так, словно я — не объект слухов, а человек, который только что вышел из огня.

— Моя Луна говорит, что твой Морок не злой, — произнесла она. — Просто ему очень больно.

Я резко вдохнула.

Луна.

Её драконица-целительница. Серебряная, спокойная, о ней говорили с уважением даже те, кто презирал лечащих драконов за «небоевую» специализацию.

Если Луна «говорит» — значит, Элара чувствует эмоции через связь. Значит, она не врёт просто так. Или врёт, но делает это умно.

— Ты хочешь поговорить о моём драконе, — сказала я, — потому что твоей драконице стало его жалко?

— Да, — просто ответила она. — И потому что мне стало жалко тебя.

Вот это было почти оскорблением.

Жалость — всегда сверху вниз. Всегда «я могу, а ты нет».

Всегда подарок, который потом отберут.

Я сжала челюсть.

— Не надо, — сказала я. — Мне не нужна жалость.

Элара кивнула, будто ожидала именно этого.

— Тогда назови это иначе, — сказала она. — Помощь.

Взаимовыгодно. Ты выглядишь так, будто тебе больно дышать.

Я хотела сказать, что это не её дело.

Но в этот момент я поняла, что всё равно проиграла бы. Скажу «не твоё дело» — буду выглядеть слабой и озлобленной. Скажу «да, больно» — буду выглядеть жалкой. Молчание — тоже ответ.

Элара достала из кармана маленький свёрток — аккуратный, чистый.

— Мазь, — сказала она. — Луна делает такие. Синяки уйдут быстрее. И... я могу прикрывать тебя, если ты будешь ходить к пещерам ночью.

Я уставилась на неё.

Вот это уже не жалость. Это риск.

Прикрывать — значит врать. Значит стать соучастницей. Значит, если меня поймают, утащат и её.

— Зачем? — спросила я.

Слова вышли грубее, чем я хотела. Но, возможно, это было честно.

Элара не обиделась.

— Потому что я вижу, как на тебя давят, — сказала она.

— И потому что это неправильно. Мне плевать, что шепчут за спиной, если я вижу несправедливость.

Я усмехнулась — коротко, без радости.

— Ты в академии. Здесь несправедливость — часть расписания.

— Я знаю, — спокойно сказала она. — Поэтому я и здесь. Мой отец учил меня: если ты видишь, что что-то гниёт, не притворяйся, что пахнет цветами.

Я смотрела на неё и пыталась найти подвох.

Дочь маршала. Элита. Красивое лицо. Правильные слова. Такие обычно первыми подставляют, потому что им всегда верят.

— У тебя же есть друзья, — сказала я, кивая в сторону «их» столов. — Зачем тебе я?

Элара проследила мой взгляд. Там действительно сидели её «подружки» — смеющиеся, громкие, с одинаковыми причёсками и одинаковыми выражениями: «мы важны».

— Друзья? — повторила она и улыбнулась так, будто впервые услышала это слово в этом помещении. — В академии у большинства не друзья. У большинства — стая.

Она повернулась снова ко мне.

— И ещё, — добавила она. — Луна тебе доверяет. Я привыкла доверять её инстинктам.

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло — маленькое, почти несуществующее. Не доверие. Скорее... усталость от одиночества.

Одиночество здесь просто медленно жрёт тебя по кусочку, пока не начинаешь думать, что заслужила каждый удар.

— Я не просила тебя доверять мне, — сказала я.

— Я и не прошу, — ответила Элара. — Я предлагаю.

Она убрала свёрток обратно в карман.

— Встретимся ночью у пещер, — сказала она. — Если захочешь. Если нет — просто выброси мазь.

Я не взяла свёрток сразу. Просто смотрела на него так, будто он мог взорваться.

Потом всё же положила ладонь на стол — рядом со свёртком, но не на него.

— И если это ловушка? — спросила я.

Элара подняла бровь.

— Тогда ты меня не так поняла, Кровавая, — сказала она.

— Ловушки здесь ставят те, кто боится. Я... не боюсь тебя.

Слова прозвучали тихо. И неожиданно честно.

Она встала. Взяла поднос — будто всё это было обычным разговором между знакомыми. И добавила напоследок, не глядя на тех, кто уже сверлил её спину:

— Я буду ждать.

Она ушла.

А я осталась сидеть, и внезапно поняла, что столовая стала теснее. Потому что теперь на меня смотрели двояко: старый ярлык никуда не делся, но к нему прибавился новый — повод.

«Светлокрылая села к ней.»

«Светлокрылая принесла ей что-то.»

«Светлокрылая... что, с ума сошла?»

Элара сделала шаг, и вокруг неё уже начинал подниматься холод. Она знала, что будет дальше.

И всё равно сделала.

Это было опасно.

И именно поэтому я не могла выбросить мазь.

Ночь я встретила на ногах.

Я не спала. Лежала, уставившись в потолок, и слушала, как рядом дышат другие. Слышала шорохи, тихие вздохи, редкие движения — казарма жила своим привычным телом.

А внутри меня шла война.

Не иди.

Иди.

Это ловушка.

Это шанс.

В какой-то момент я просто села и выдохнула. Нельзя бесконечно жить так, будто каждый шаг — смертный приговор. Это не жизнь. Это ожидание конца.

Я тихо поднялась, накинула куртку, спрятала волосы под ремень. Шрам на ладони отозвался болью, когда я затянула застёжку. Я поморщилась и пошла к выходу.

Коридоры ночью звучат иначе: эхо громче, стены ближе, воздух холоднее. Академия ночью не притворяется, что она «учебное заведение». Ночью она крепость.

У пещер было темно и тихо. Только где-то далеко шевель-

нулось крыло — драконы никогда не спят полностью. Они просто уходят в себя.

Элара ждала у условленного места — у выступа скалы, где тень лежала глубже. Она стояла в тёмной форме, но её светлые волосы всё равно выделялись, как метка. Я подумала, если её увидят, она даже убежать не успеет.

— Ты пришла, — сказала она, и в голосе прозвучало облегчение.

— Я ещё не решила, — ответила я.

Элара усмехнулась.

— Прекрасно. Тогда давай хотя бы решим, что делать с твоими синяками.

Она протянула мне мазь. Теперь — не на глазах у всей столовой, не демонстративно. Тихо. Правильно.

— Где? — спросила она.

— Там, где не видно, — буркнула я.

Мы ушли за скалу — туда, где свет факелов не доставал. Ветер тянул с гор сыростью, и камень под пальцами был ледяным.

Я сняла куртку, приподняла рубаху, показывая бок и плечо. От движения боль вспыхнула так, что я едва не зашипела.

Элара не делала круглых глаз. Не ахала. Не жалела вслух. Просто открыла мазь и аккуратно провела пальцами по синяку.

Мазь была холодной. Запах — травяной, чистый.

И впервые за много дней чьё-то прикосновение не было

угрозой.

— Луна действительно делает чудеса, — тихо сказала Элара. — Она чувствует, где ткань «горит», и забирает жар.

Я молчала. Потому что если скажу хоть слово, голос дрогнет.

Элара закончила с плечом, перешла на предплечье — туда, где меня задевали чаще всего. Работала быстро, уверенно, как человек, который делал это много раз. Возможно, для других. Возможно, для себя.

— Ты не обязана терпеть одна, — сказала она вдруг.

Я горько усмехнулась.

— В академии терпят все. Просто некоторые терпят на шёлковых подушках.

Элара фыркнула.

— Вот видишь. Ты умеешь быть язвительной. Значит, ещё жива.

Я посмотрела на неё боковым взглядом.

— А ты умеешь лезть туда, где тебя не ждут.

— Да, — согласилась она. — С детства дурная привычка.

Она закрыла баночку, спрятала её обратно и посмотрела на меня так, будто сейчас скажет что-то важное.

— Можно я скажу одну вещь? — спросила Элара.

— Ты уже говоришь, — ответила я.

Она улыбнулась — и в этой улыбке было что-то простое, не академическое.

— Кейден не всегда был таким, — сказала она тихо. —

До смерти отца он был... другим.

Я замерла.

Слова будто проткнули воздух. Потому что Кейден «другой» — это почти легенда. В него здесь либо верят как в пугало, либо ненавидят как в инструмент.

— Мне плевать, каким он был, — сказала я.

Ложь прозвучала слишком быстро.

Элара не стала ловить меня на ней.

— Я понимаю, — сказала она. — Но... мне кажется, он ненавидит в тебе не тебя. Он ненавидит своё собственное горе. И то, что оно никуда не уходит.

Я хотела сказать, что горе не даёт права ломать людей.

Хотела — и не сказала.

Потому что это было слишком очевидно. Слишком правильно. Слишком бесполезно.

Я смотрела в темноту пещер и пыталась представить Кейдена как обычного человека, который когда-то умел улыбаться. И от этой мысли стало неприятно.

Сочувствие — опасная вещь. Оно делает мягче там, где лучше быть стальной.

— Не делай из него жертву, — сказала я глухо. — Он выбирает быть таким.

Элара кивнула, не споря.

— Да. Выбирает, — сказала она. — Но иногда люди выбирают боль, потому что не знают, что делать с пустотой.

В тишине между нами я вдруг услышала собственное ды-

хание. Ровное. Спокойнее, чем днём.

Морок в моей голове был тих. Но я чувствовала его присутствие — как тень за спиной, укрытием, а не тяжестью.

Я подтянула куртку на плечи и застегнула.

— Спасибо, — сказала я наконец. Слово далось тяжело, как камень.

Элара улыбнулась — теперь уже совсем просто.

— Не за что, — ответила она. — Увидимся завтра. И... если ты снова пойдёшь летать, скажи мне заранее. Я встану у прохода. Если кто-то пойдёт следом — я увижу.

Я кивнула.

И впервые за долгое время у меня появилось странное ощущение: мир не весь состоит из врагов.

Я всё ещё была одна против академии.

Но теперь рядом стояла хотя бы одна девчонка, которая решила: «нет, не одна».

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.